

A person is seen from behind, standing in a doorway. The person is wearing a dark t-shirt and shorts. The doorway is framed by dark blue doors. The floor is wooden, and there are several flowers, including yellow and blue daisies, scattered around the doorway. The lighting is warm and focused on the person, creating a silhouette effect. The background beyond the doorway is bright and hazy.

ИМЯ МОЕМУ СТРАХУ

ИРИНА НИКОЛАЕВА

Ирина Николаева
Имя моему страху

«Автор»

2026

Николаева И.

Имя моему страху / И. Николаева — «Автор», 2026

Можно ли убежать от ночных кошмаров и избавиться от монстра из шкафа? Артёму предстоит найти ответы на оба эти вопроса. После смерти мамы в его комнате поселилось нечто, приходящее по ночам. Ни отец, ни бабушка ему не верят. Деревня, куда его отправляют на лето, кажется спасением. Но кошмар упаковывает чемоданы и едет следом. Теперь только старик, которого все сторонятся, способен показать Артёму, где искать ключ. Потому что настоящая битва происходит не в комнате. **МОЕМУ СЫНУ - ПОМНИ, Я БЕСКОНЕЧНО ТЕБЯ ЛЮБЛЮ**

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	9
5	10
6	12
7	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ирина Николаева

Имя моему страху

1

Тёма вцепился в одеяло, подтянув его почти до глаз, и не отрываясь смотрел на шкаф. В детской было темно и только через неплотно закрытые шторы пробивался тонкой полоской свет от уличного фонаря.

Он снова забыл плотно задвинуть эту гадскую дверцу. И теперь с царапающим звуком в темную щель из темных недр шкафа лезла черная жуткая рука с скрюченными когтями.

Тёма с ужасом вжался в кровать. Закричать он не мог, горло перехватило от страха, как и всегда. И, самое горькое, что он знал – помочь и избавить его от таких ночных визитов ему никто не поспешит.

Ему никто не верил, когда он пытался рассказать о своих жутких ночных видениях. Отец на его попытки рассказать о кошмарах, только пригрозил забрать телефон, чтобы Тёма меньше в нём сидел. Отец приезжал после смены очень поздно и ему было не до детских страхов – после смерти жены он один воспитывал сына-подростка. Нужно было успеть что-то купить в магазине и приготовить из этого ужин.

Любимая Ба, когда он ей рассказывал про свои кошмары по телефону, вздыхала и поддерживала отца – «Тебе тринадцать, ты уже большой, чтобы спать с ночником, а телефон действительно портит глаза и психику».

– Цррр, – протрещало скрипуче из шкафа, -шкккшшшрррр...

Было до жути страшно, в горле пересохло, сердце колотилось, дышать было трудно, воздуха не хватало, как он не пытался вздохнуть. Тёме казалось, что он тихонько скулил от ужаса.

Дверца приоткрывалась все больше, и уже были видны злобные светящиеся желто-белые глаза на небольшой круглой черной голове на тонкой длинной шее. Глаза гипнотизировали, мерцая, завораживая. Показалась вторая рука, и вот уже две жуткие когтистые конечности раздвигают дверцу, вытаскивая постепенно монстра из шкафа. Он тянул голову в сторону кровати, шея неестественно кривилась и удлинялась.

– Црррр, – приоткрылся черный беззубый рот, оголяя острые мелкие игольчатые зубы.

Артём впился через одеяло ногтями в ладони, давил, давил, пытаясь заставить себя проснуться, он очень надеялся, что это сон, просто сон.

А туловище чудовища все вытягивалось, голова неуклюже раскачивалась, когти царапали с противным звуком дверцу. И вот уже черная кожистая морда приблизилась и склонилась над лицом Тёмы.

Мальчик замер. Никогда, еще никогда монстр не приближался настолько близко.

– Црррр, – стрекотало у него над лицом, а дыхание совершенно перехватило.

Когтистая лапа потянулась к лицу, почти касаясь лба, зависла над глазами, и Тёма беспомощно попытался хотя бы задёрнуться – ведь еще мгновение и когти вопьются ему в глаза.

Неожиданно сверху у соседей что-то грохнуло и заорал пьяный сосед. Тёма вздрогнул и моргнул, судорожно садясь на кровати. Монстр просто исчез. Исчез, как всегда.

Мальчик часто-часто задышал, по вискам скатывались капельки пота. В груди давило, словно он долго был под водой и не дышал.

Сосед продолжал что-то пьяно вопить, улюлюкая, слышалась музыка, и Тёма был в эту минуту очень рад, что безработный сосед-алкоголик решил этой ночью подебоширить, тем самым выведя его из ночного транса.

Тёма медленно опустил ноги с кровати, рукой нащупывая выключатель на прикроватной лампе. Включил свет. Никого...ничего...Только болели ладони. Тёма посмотрел на них и увидел глубокие полумесяцы отпечатков от ногтей. Выдохнув встал и резко задвинул дверцу шкафа напротив кровати.

2

Тёма сидел на задней парте и рисовал ручкой на руке. Учебный год подходил к концу, уже сдали учебники и в школу ходить отчаянно не хотелось. Одноклассники шумно обсуждали, кто куда поедет летом.

Тёма печально вздыхал – его решили отправить на всё лето в деревню к бабушке, которую он ласково называл с детства «Ба» и деду Мите.

– Проветришь голову, там интернет почти не ловит, воздухом подышишь, бабушке с дедом поможешь, в речкекупаешься, – поставил его перед фактом отец, – я в твои годы только так и отдыхал, лучшее время. А я тут как раз с ремонтом разберусь, всё равно от тебя помощи не допросишься, не докричишься с твоими играми.

Тёма снова вздохнул, не повезло, так не повезло. Прошлым летом его на один поток отправляли в лагерь, вот это был отдых. И хоть вожатые и воспиталка жутко бесили и доставали, на озеро на территории лагеря водили редко, да и питание было не очень – они с пацанами таскали втихаря хлеб из столовки, но это был отдых без отца и его нотаций. И с кучей новых друзей.

– Артём, снова руки грязные! – он не заметил, как к нему подошла классная руководительница, – Ну что за художества, быстро иди руки мыть, ну как маленький, честное слово, – возмущалась полная невысокая училка в очках.

Артём сжал зубы и молча встал. Ну, хоть не на уроке сидеть. Он, шаркая, демонстративно медленно вышел из класса. Покрутил головой – в коридоре никого не было, уроки еще шли, и пошел в туалет, который был рядом с классом.

Зашел, поморщился – как технички не старались, запах туалета был стоек и сообщал о местонахождении туалета еще с лестницы, что была рядом.

Включил воду, подставив руки под кран. Кран брызнул водой и Тёма, ругнувшись, наклонился чуть ниже, чтобы закатать рукав. Вода воняла металлом, паста от ручки плохо отмылась, но он никуда не спешил.

Выпрямился, поднял голову и вздрогнул – в отражении зеркала за его спиной стояла черная тень.

3

Тёма резко обернулся, сердце прыгнуло под горло. За спиной никого не было. Только грязные кафельные стены и скрипучая дверь в кабинку. Он снова посмотрел в зеркало – отражение было обычным: бледное лицо, слишком большие глаза, темные круги под ними от бессонных ночей. Тень исчезла.

«Воображение, – успокаивая сам себя, подумал он, вытирая мокрые руки о джинсы. – От этих дурацких снов уже и наяву чудится».

Но ощущение липкого, холодного страха не отпускало всю дорогу до дома. Отец приехал рано, что было редкостью, и хозяйничал на кухне, разогревая пельмени.

– Собрал вещи? – спросил он, не оборачиваясь. – Завтра рано выезжаем. Я тебя до автовокзала довезу, а там тебя уже бабушка встретит и вместе доедете.

– Да, почти, – буркнул Тёма, пробираясь в свою комнату.

Он не врал. Спортивная сумка стояла полуоткрытой, но внутри был хаос. Тёма сел на пол перед шкафом и осторожно потянул на себя дверцу. Там, на дальней полке, аккуратно сложенный, лежал мамин шелковый шарфик цвета морской волны. Он достал его, прижал к лицу и глубоко вдохнул. Запах почти выветрился, осталось лишь слабое, угадываемое скорее памятью, чем обонянием, воспоминание о духах – нежных, легких, с такой родной ноткой весенних цветов. Единственное доказательство, что она была реальной, а не сном. Иногда он боялся, что и этот последний след вот-вот исчезнет навсегда.

Он положил шарфик в сумку сверху, на самые обычные вещи – футболки, шорты. Как оберег.

После смерти мамы отец вывез все ее вещи – ему было больно на них смотреть. А Теме так хотелось что-то оставить, как частичку того, чего в его жизни больше никогда не будет. И он украдкой вытащил из сумок ее любимый шарфик.

Ночь прошла тревожно. Тёма перед сном намертво заклеил дверцу шкафа скотчем, который нашел в ящике отца. Это выглядело глупо, но давало иллюзию контроля. Монстр не приходил. Вместо него снилась бесконечная дорога, ухабистая и пыльная.

Утром, в душевной кабине отцовской машины, они молчали. Отец пытался что-то говорить про свежие огурцы с грядки в деревне и грибы в лесу, но слова повисали в воздухе и падали, как камни. Тёма смотрел в окно на мелькающие столбы. Он чувствовал себя не сыном, а неудобным грузом, который наконец-то отправляют на склад до лучших времен.

На автовокзале пахло бензином, пылью и жареной выпечкой. Ба, как он привык называть бабушку с детства, маленькая, сухонькая, в ярком платке, замахала им издали.

– Темочка, внучок! – обняла она его, пахнувшая сдобой и чем-то бесконечно родным. – Вырастил тебя, как дерево! – Она потрепала его по стриженным волосам, а потом серьезно посмотрела на отца. – Ты не переживай, Серёжа. Отдохнёт парень. На воздухе. Поправится.

Отец лишь кивнул, сунул Тёме в руку купюру: «На всякий случай», – и похлопал его неловко по плечу. – Слушайся.

Автобус был старым, с неудобными сиденьями. Ба усадила его у окна, достала из сумки варёные яйца и пирожок с капустой. Тёма ел, глядя на убегающие назад поля и немногочисленные деревья вдоль дороги. Чем дальше отъезжали, тем страннее становилось на душе. Будто отрывали кусок привычного, даже если этот привычный кусок был колючим и неудобным. И страх ехал с ним, тихий пассажир на заднем сиденье его сознания. Он был уверен – монстр не остался в городской квартире. Он спрятался в сумке. Или просто сидел тут, невидимый, дожидаясь ночи и нового тёмного шкафа.

4

Деревня встретила их покоем, который для городского уха был похож на гулкую глухоту. Не слышно было шум проезжающих машин, а только звонкий стрекот кузнечиков. Не сигналили, словно ругались, машины, а только мычали коровы где-то за дальним огородом. Дом Ба и деда Мити стоял на отшибе, у самого леса – старенький, деревянный, но крепкий, с резными наличниками, которые когда-то, по словам Ба, выпиливал сам дед.

Дед Митя вышел на крыльцо, отряхивая руки от стружек. Высокий, сутулый, с седой щетиной и спокойными, внимательными глазами цвета речной воды.

– С приездом, подрастающее поколение, – сказал он просто, оценивающе оглядев Тёму с ног до головы. – Руки-ноги целы? Работать сможешь?

– Митя, дай парню освоиться! – засуетилась Ба. – Иди, внучок, размещайся.

– Освоится, – хмыкнул дед. – В процессе. Что зря тянуть.

Артем смущенно покосился на деда, который направился в огород, и поднялся по скрипящим ступенькам в дом.

Комнатка ему отвели ту же самую, маленькую, под самой крышей. Под потолком гуляли тёплые сквозняки, пахло деревом и сушёной травой. И – о, чудо! – шкафа здесь не было. Только комод с выщербленными ручками и узкая кровать под толстым лоскутным одеялом. Тёма выдохнул с облегчением.

Вечером за ужином Ба поставила на стол томлёную в печи картошку с грибами, хрустящие солёные огурцы, парное молоко, а дед Митя спокойно изложил фронт работ на следующий день.

– Завтра с утра – за дровами. Потом баньку протопить надо. Покажу тебе что да как, большой уже, пора. Без дела болтаться не дам, чтоб дурь из башки выбить. А там видно будет.

Тёма кивал, набивая рот. Еда была невероятно вкусной, от неё по телу разливалось тепло и сонная тяжесть. Видимо сказывалась усталость после поездки.

После ужина Артем немного поиграл с заскочившими в дом котятками, ответил отцу на короткое смс, что все в порядке, и вскарабкался по лестнице через люк в свое логово под крышей дома.

Ночь наступила совсем другая – тёмная-тёмная, без уличных фонарей, и такая тихая, что в ушах звенело. Тёма лежал, глядя в квадрат небольшого окна, где висели крупные, незнакомые городскому жителю звёзды. Страх приполз, как и ожидалось, но в другой форме. Не понятный, накрывающий с головой и не дающий глубоко вздохнуть. Он был один в этой чужой темноте, в этом старом доме, полном непонятных скрипов и шорохов. Он прислушался. Казалось, слышно, как дышит сам дом. Или это не дом...

Он на минуту прикрыл глаза, пытаясь уснуть. А когда открыл их – увидел не шкаф, а черный проём чердачного люка в полу своей новой комнаты. И из этой чёрной дыры медленно, со скрежетом по дереву, стала выползать знакомая, костлявая, чёрная рука.

Тёма застонал во сне и проснулся от собственного звука. В комнате было тихо. Люк на полу был на месте, плотно закрытый. Но ощущение, что за ним что-то есть, осталось. Монстр нашёл новый дом.

5

Солнце било в лицо сквозь занавеску, и Тёма проснулся от незнакомого ощущения: его будил не будильник и не внутренняя тревога, а громкое, настойчивое кудахтанье прямо под окном. Он лежал, прислушиваясь к деревенскому утру: хлопанье двери, голос Ба, доносящийся с кухни, мерный стук топора во дворе. Кошмар отступил, оставив после себя лишь смутное, стыдное воспоминание, как воспоминание о детской истерике.

«Чёрный люк, – с досадой подумал он, спуская ноги с кровати. – Придумал же. Теперь и тут спать спокойно не буду».

За завтраком дед Митя, хлебная молочную кашу, вынес вердикт.

– После еды – в магазин. Хлеба надо, соли, спичек. Дорогу запомнишь, голову проветришь, а то без дела сидеть – вредно. – Он протянул Тёме записочку и потрёпанную тканевую сумку. – От калитки – направо, мимо колодца, там магазин новый открыли. через несколько домов. Не заблудишься.

Дорога оказалась простая: пыльная грунтовка, идущая меж бревенчатых домов с палисадниками. Тёма шёл, чувствуя на себе любопытные взгляды из-за заборов. Деревня просыпалась. Где-то мыли машину, где-то пилили дрова. Воздух, густой от запаха нагретой хвои, пыли и навоза, был непривычен, но не противен. Он действовал, как лёгкое опьянение.

Магазин оказался тесной пристройкой к дому с вывеской «Продукты». Внутри пахло бытовой химией, яблоками и свежим хлебом. Пока тётка-продавщица собирала заказ, в дверь вошли двое парней лет пятнадцати. Один – рослый, рыжий и веснушчатый, с насмешливым прищуром. Второй – поменьше, коренастый, с серьёзным лицом.

– О, городские приехали, – протянул рыжий, оглядев Тёму с ног до головы. – Темка, че молчишь, зазнался?

Тёма приветственно кивнул, стараясь выглядеть невозмутимым.

– Я Генка, не забыл? – ухмыльнулся рыжий, тыча себя в грудь. – А это Санёк, они к нам жить переехали. Ты чего, на всё лето?

– Наверное, – буркнул Тёма, принимая от продавщицы тяжёлую сумку.

– Скучать будешь, – уверенно заявил Генка. – Тут интернета нету, как в городе. Только у Кольки в доме ловит, они антенну спутниковую поставили. Но он жадина.

– Мне и без интернета нормально, – соврал Тёма.

– Поглядим, – усмехнулся Генка. – А пострелять из рогатки хочешь? У нас тут голуби у кур зерно воруют.

Санёк, молчавший до этого, неодобрительно хмыкнул.

– Дядька Николай уже в прошлый раз гонял. Опять попадешься – от отца влетит.

– Мы не попадёмся, – Генка махнул рукой. – Ладно, городской, иди к своим старикам. Увидимся ещё. Если заскучаешь – мы на старом мосту около речки тусуемся. После обеда.

По пути обратно Тёма размышлял над встречей. «Тусят»... Слово звучало здесь странно и неуместно. Но это уже было что-то. Помнят, принимают. Хорошая возможность не быть одному. Он вспомнил как пугал друзей своих друзей в детстве, что если они его тронут, то к ним ночью его мама придет и отомстит. Те боялись, верили. Здесь такое не прокатит. Здесь нужно быть проще. Крепче. Или казаться таким.

После обеда, выполнив поручение деда принести воды из колодца, Тёма не выдержал.

– Ба, а можно я погуляю? До речки дойду.

Ба посмотрела на него поверх очков, которые сползли на кончик носа.

– Иди, иди, внучок. Только смотри, там берега илистые, в воду не лезь. И к старой мельнице не ходи – она разваливается.

– Да я просто посмотреть.

– Ладно. К ужину будь. Дед печь будет топить, поможешь.

Речка оказалась неширокой, но быстрой, с тёмной, казалось, бездонной водой в некоторых местах. Старый деревянный мост, скрипящий и без перил, действительно был местом сбора. На нём уже сидели Генка с Саньком и ещё один паренёк, помладше, тощий, в очках. Они что-то швыряли в воду.

– Пришёл! – важно кивнул Генка. – Давай, забирайся.

Тёма осторожно взобрался на скользкие от времени брёвна моста. Внизу, в воде, отражалось небо и верхушки деревьев.

– Это Витька, – кивнул Генка на очкарика. – Наш хакер. Он у Кольки интернет воровать умеет.

Витька смущённо ухмыльнулся.

– Я не ворую, я просто...

– Короче, – Генка перебил друга и деловито зашептал, – скучно. Предлагаю дело. У старого Борисыча, что за фермой живёт, яблоня. А он – жмот редкостный, сам яблоки гноит, никому не даёт. Надо бы налёт совершить. За яблоками.

– Он же с ружьём ходит, – мрачно заметил Санёк. – Дробью может пшыкнуть.

– Так мы ночью! – загорелся Генка. – Он ночью как убитый спит. Тёмка, ты с нами?

Все посмотрели на Тёму. В городе он бы нашел отмазку. Но здесь, под этими оценивающими взглядами, в этом новом мире, где нужно было заново доказывать, что ты не слабак, отказать – значило проиграть сразу.

– Я... посмотрю, – сказал Тёма, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Только если точно, что он спит.

– Спит, спит! – заверил Генка. – В двенадцать ночи у моста. Бери сумку покрепче.

По дороге домой Тёма чувствовал странное возбуждение. Оно заглушало подспудную тревогу. Он был частью плана. Почти своим. Но, проходя мимо дома у поворота к лесу у реки, он замедлил шаг. Избушка там стояла покосившаяся, серая от времени, с заколоченным окном. А во дворе, спиной к дороге, сидел на чурбаке старик и что-то чинил. Не дед Митя. Другой. Очень худой, в тёмной, выцветшей одежде. И, хотя старик не оборачивался, у Тёмы возникло стойкое, жуткое ощущение, что тот прекрасно знает, что за ним наблюдают.

Тёма поспешил прочь. А позади, как ему почудилось, раздался тихий, сухой звук – то ли стук молотка по железу, то ли короткий, почти беззвучный смешок.

6

Вечер наступил плавно, озаряя стекла в окошке красным светом. Дед, молча и сосредоточенно, раскладывал небольшие поленца для растопки у печи. Ба вязала у окна, изредка поглядывая на Тёму, который вертелся у порога, будто на привязи.

– Чего вертишься, как юла? – наконец спросил дед, не поднимая головы. – Места не находишь?

– Так... просто, – пробормотал Тёма.

– На речке был? – уточнила Ба, и в её голосе прозвучала лёгкая тревога.

– Был. Мост посмотрел.

– Там омут, Темочка, глубокий, – напомнила она. – И мост тот старый. Будь осторожен.

«Если бы вы знали, куда мне на самом деле надо», – подумал Тёма с едким стыдом. Ему вдруг стало не по себе от этой тёплой, уютной картины: спокойные старики, стук спиц, запах свежее испечённого хлеба. Он готовился напакостить. Превратиться в вора. И всё ради того, чтобы рыжий Генка похлопал его по плечу и сказал «молодец».

– Я, пожалуй, раньше лягу, – соврал он. – Устал.

– Иди, внучок, – мягко сказала Ба. – Отдыхай.

В своей комнатке под крышей Тёма не ложился. Он сидел на кровати, прислушиваясь к звукам дома. Скоро они стихли: дед запер входную дверь на щеколду, Ба потушила свет в своей комнате. Наступила деревенская ночь – с луной и звездами, давящая тишиной. Только где-то далеко завывала собака, и этот звук заставил Тёму вздрогнуть.

Он ждал. Часы на телефоне медленно ползли к полуночи. Мысли метались. «Не пойду. Скажу, что дед проснулся, не смог выйти». «Нет. Пойду. Надо же как-то с ними...». «А если Борисыч и правда с ружьём?». Страх перед стариком-соседом почему-то казался проще и понятнее, чем тот чёрный, липкий ужас, что выползал вместе с монстром из шкафа. Этот страх был почти осязаемым, с ним можно было бороться – убежать, спрятаться.

Без десяти двенадцать Тёма, замирая на каждой скрипящей половице, выскользнул из дома. Ночь встретила его холодным дыханием. Луна, круглая и яркая, заливала улицу призрачным серебристым светом, отбрасывая чёрные, чёткие тени. Бежать по такой ночи было всё равно что бежать по сцене под софитами.

На мосту его уже ждали. Генка и Санёк, тёмные силуэты с шелестящими пакетами.

– А, явился! – прошептал Генка, и Тёма услышал в его голосе облегчение. – Боялся, что струсишь. Витька слинял, сопляк. Ну ладно, нас хватит.

Они шли по краю огородов, прячась в темноте за кусты и деревья. Сердце Тёмы колотилось так громко, что ему казалось, его слышно за версту. Сад Борисыча оказался большим, неогороженным, но сам дом, низкий и тёмный, стоял слишком близко. Ни в одном окне свет не горел.

– Ползем, – скомандовал Генка.

Они, как партизаны, поползли по траве к раскидистой яблоне. Яблоки, мелкие и ещё кисловатые, туго сидели на ветках. Тёма, дрожащими руками, начал срывать их и швырять в свою сумку. Каждый хруст ветки, каждый шорох падающего на траву яблока отдавался в его ушах громоподобным гулом. Ему мерещилось, что в окне дома мелькнул свет, что скрипнула дверь.

– Быстрее! – шипел Санёк, уже набивший полпакета.

И в этот момент на краю сада, из-за кустов смородины, возникла тёмная фигура. Невысокая, коренастая. И рядом с ней – низкое, рычащее урчание.

– А ну брррыысь, чертенята! – прохрипел голос.

Генка, не раздумывая, рванул с места. Санёк – за ним. Тёма, парализованный на секунду, увидел, как на него несётся, сверкая в лунном свете оскалом, огромный, лохматый пёс. Такой живьем сожрет и не подавится. Он вскочил, бросил тяжёлую сумку, и побежал. Не к дороге, а вглубь сада, к тёмной полоске леса. Ноги подкашивались, в горле стоял ком. За спиной тяжело дышала собака, и слышалось хриплое бормотание Борисыча: «Держи, Полкан! Взя-я-ять!»

Тёма влетел в лес, как пуля. Колючие ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги. Он бежал, не разбирая пути, пока в груди не начало колоть, а лай и крики соседа не отстали и не растворились в ночной тиши. Тогда он рухнул на землю, в пахучую, холодную подстилку из хвои, и лежал, судорожно хватая ртом воздух.

Страх постепенно отступал, оставляя после себя пустоту и стыд. Он потерял сумку. Он бросил яблоки. Он убежал, как заяц. Завтра Генка будет над ним смеяться. А может и разговаривать с ним перестанет.

Он медленно поднялся, огляделся. Лес в лунном свете был незнакомым и чужим. Все деревья выглядели одинаково. Паника снова накатила, уже другого свойства – он заблудился. И тут он услышал воду. Негромкое, но постоянное журчание. Речка. Если идти на звук, он выйдет к ней, а там можно и сориентироваться.

Он шёл долго, осторожно пробираясь сквозь чащу. Звук воды становился всё громче. И вот, раздвинув ветви, он вышел к реке. Но не к мосту. Он стоял на крутом, обрывистом берегу над самым омутом, о котором говорила Ба. Вода в нём была чёрной и неподвижной, как масло, и в ней отражалась луна – кривая, размытая. А на другом берегу, прямо напротив, стояла та самая покосившаяся избушка. И на крыльце, в тени, сидел тот самый старик. Он не спал. Он смотрел через реку. И даже в темноте Теме показалось, что смотрит старик прямо на него.

Мальчик замер. Не было ни страха, ни паники. Было лишь острое, почти физическое ощущение, что его *видят*. Не просто заметили заблудившегося пацана, а увидели всего: и ночную кражу, и трусливый побег.

Старик не сделал ни движения, не издал ни звука. Он просто сидел. Но этого было достаточно. Тёма резко отшатнулся от обрыва и бросился бежать вдоль берега, не оглядываясь, чувствуя на своей спине тяжесть этого безмолвного взгляда. Ему казалось, что чёрная вода омута и глаза старика – это одно и то же. Что-то сильное, неведомое, колдовское.

7

Тёма нашёл дорогу домой почти на рассвете, бредя вдоль реки, пока не упёрся в знакомый мост. Дом стоял тёмный и тихий. Он, как вор, пролез в свою комнату, скинул грязную, мокрую от пота одежду и рухнул на кровать. Спать он не мог. Перед глазами стояло то чёрное зеркало омута и две точки в темноте – отражение луны в воде и невидные, но ощущаемые глаза старика.

Его разбудили не звуки, а ощущение тяжёлого, недовольного взгляда. Тёма открыл глаза. На лестнице в его комнату на чердаке, облокотившись локтями на края в люке, стоял дед Митя. Хмурый и недовольный.

– Вставай, – сказал дед коротко и без выражения. – Умывайся. И выходи во двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.